

Дикинсон

1732

My life closed twice before its close –
It yet remains to see
If Immortality unveil
A third event to me,

So huge, so hopeless to conceive
As these that twice befell.
Parting is all we know of heaven,
And all we need of hell.

887

We outgrow love like other things
And put it in the drawer,
Till it an antique fashion shows
Like costumes grandsires wore.

Кончалась дважды жизнь моя –
И все же ждет душа –
Быть может, ей Бессмертье даст
Последний, третий шанс –
Сияющий, огромный Дар –
Такой, что слепнет взгляд.
Разлука – всё, чем грозен Рай,
И все, чем славен Ад.

* * *

Мы вырастаем из любви –
И прячем вещь в комод –
Пока на бабушкин фасон
Вновь мода не придет.

Уоллес Стивенс

THIRTEEN WAYS OF LOOKING AT A BLACKBIRD

I
Among twenty snowy mountains,
The only moving thing
Was the eye of the blackbird.

II
I was of three minds,
Like a tree
In which there are three blackbirds.

III

The blackbird whirled in the autumn winds.
It was a small part of the pantomime.

IV

A man and a woman
Are one.
A man and a woman and a blackbird
Are one.

V

I do not know which to prefer,
The beauty of inflections
Or the beauty of innuendoes,
The blackbird whistling
Or just after.

ТРИНАДЦАТЬ СПОСОБОВ НАРИСОВАТЬ ДРОЗДА

I

Среди гор, засыпанных снегом,
Единственной движущейся точкой
Был глаз черного дрозда.

II

Я думал натрое –
Как дерево,
Приютившее трех дроздов.

III

Черный дрозд, закрученный зимним вихрем.
Он словно вырван из пантомимы.

IV

Мужчина и женщина –
Одна плоть.
Мужчина, женщина и дрозд –
Одна плоть.

V

Не знаю, что выбрать –
Красоту звучаний
Или красоту умолчаний,
Песенку дрозда
Или паузу после.

.....

Charles Simic

UNDER NEW MANAGEMENT

The tunnel of love at the fair.

The oompah band.
The long-legged drum majorette.
The pebble in my shoe.
Little birds sitting on the telephone wire.
Hotel of the Great Secret.
The out-of-tune piano.
Death, the butterfingere waiter.
The American lynch mob.
The Gypsy who slips me advice.
Moonlit and deserted parking lots.

«ТУННЕЛЬ ЛЮБВИ»
Новый аттракцион
в городском Луна-парке.
Марширующий оркестр.
Длинноногая фря с барабаном.
Камешек в ботинке.
Воробьи, чирикающие на проводе.
Гостиница «Огромный секрет».
Фальшивое фортепьяно.
Смерть, вышколенная официантка.
Толпа линчевателей и просто зевак.
Цыганка со своим ненужным советом.
Луна на пустой автостоянке.

Роберт Криви
Language

Locate *I*
love you some-
where in

teeth and
eyes, bite
it but

take care not
to hurt, you
want so

much so
little. Words
say everything.

I
love you
again,

then what
is emptiness
for. To

fill, fill.
I heard words
and words full

of holes
aching. Speech
is a mouth.

Трагль

An einen Frühverstorbenen

O, der schwarze Engel, der leise aus dem Innern des Baums trat,
Da wir sanfte Gespielen am Abend waren,
Am Rand des blänlichen Brunnens.
Ruhig war unser Schritt, die runden Augen in der braunen Kühle des Herbstes,
O, die purpurne Süße der Sterne.

Jener aber ging die steinernen Stufen des Mönchsbergs hinab,
Ein blaues Lächeln im Antlitz und seltsam verpuppt
In seine stillere Kindheit und starb;
Und im Garten blieb das silberne Antlitz des Freundes zurück,
Lauschend im Laub oder im alten Gestein.

Seele sang den Tod, die grüne Verwesung des Fleisches
Und es war das Rauschen des Walds,
Die inbrünstige Klage des Wildes.
Immer klangen von dämmernden Turmen die blauen Glocken des Abends.

Stunde kam, da jener die Schatten in purpurner Sonne sah,
Die Schatten der Fänlnis in kahlem Geäst;
Abend, da an dämmernder Mauer die Amsel sang,
Der Geist des Frühverstorbenen stille im Zimmer erschien.

O, das Blut, das aus der Kehle des Tönenden rinnt,
Blaue Blume; o die feurige Träne
Geweint in die Nacht.

Goldene Wolke und Zeit. In einsamer Kammer
Lädst du öfter den Toten zu Gast,
Wandelst in trautem Gespräch unter Ulmen den grünen Fluß hinab.

Пер. С.С. Аверинцева

К умершему в юности

О, черный ангел, что молча из недр древесных ступил,
Когда были мы мирные дети в час вечерний,
У колодца, чья глубь голубела.
Покоен был шаг наш, округлены глаза в бурой осенней прохладе.

О, пурпурная сладость звезд.

Он же прошествовал вниз по жестким ступеням Монашьей горы,
С голубой улыбкой на лице, завесясь от нас
Тишиною ушедшего детства, и умер.
Но серебристым милым обличем остался в саду,
В листве затаясь или в древних камнях.

Душа воспевала смерть, зеленое тление плоти,
И лес неумолчно шумел,
Взывала жалоба зверя.
Вновь и вновь окликали с прозрачных высот голубые вечерние звоны.

Пробил час, и он тени на пурпуре солнца узрел,
Тени истленья в голых ветвях;
Вечеру, когда дрозд на дремотной стене запел,
Дух умершего в юности молча ступил меж нас.

О, кровь, что из певчего горла бежит,
Голубой цветок; о, горящие слезы,
Пролитые ночью.

Золотая слава лучей, и время. В тиши
Приглашаешь ты мертвого часто к себе,
И в милой беседе сходишь под улымы, к зеленым струям.

Дикинсон

At Half past Three, a single Bird
Unto a silent Sky
Propounded but a single term
Of cautious melody.

At Half past Four, Experiment
Had subjugated test
And lo, Her silver Principle
Supplanted all the rest.

At Half past Seven, Element
Nor Implement, be seen —
And Place was where the Presence was
Circumference between.

Перевод Григория Кружкова

В четыре с четвертью утра
У роши на краю
Несмело зяблик просвистал
Гипотезу свою.

В пять с четвертью эксперимент
Был — в целом — завершен

И песенки лихой почин
Воспринят как закон.

В семь с четвертью уже — гляди! —
Ни тайны, ни творца —
И снова мир, как колесо,
Понятен до конца.

Перевод на немецкий Гюнхильд Кюблер

Ein Vogel nur
War's um halb Vier
Dem stillen Himmel bot
Er nur ein einziges Motiv
Von einem zagen Lied.

Halb Fünf, da hatte
Der Versuch die Prüfung abgeschlossen
Sieh an, sein silbernes Gesetz
Hat alle ausgestochen.

Halb Acht, und weder
Material noch Werkzeug zu erblicken
Ein Ort einstiger Gegenwart
In des Umkreisens Mitte.

Перевод Пауля Целана

Ein Vogel, einer, um halb vier:
dem Himmel, der da schwieg,
den einen Laut trug er ihm an
sparsamster Melodie.

Das war die Probe. Um halb fünf
ging's über sie hinaus,
und sieh: ihr silbernes Zuerst
stach alles andre aus.

Halb sieben: weder Element
noch Werkzeug weit und breit.
Ein Ort hier, dort die Gegenwart,
mit einem Zwischenkreis.

Целан

An dem einen, dem
einzigem
Faden, an ihm
spinnst du – von ihm
Umsponnener, ins
Freie, dahin,
ins Gebundene.

Groß
stehn die Spindeln
ins Unland, die Bäume: es ist,
von unten her, ein
Licht geknüpft in die Luft-
matte, auf der du den Tisch deckst, den leeren
Stühlen und ihrem
Sabbatglanz zu –
zu Ehren.

Перевод Анны Глазовой

На одной,
единственной
нити, её
прядёшь ты – ей
оплетённый, в
открытость, туда,
в скованность.

Огромно
вздымаются
веретёна
в безземелье, деревья: здесь,
начиная с самого низу,
свет вплетён в воздушный
ковёр, на котором ты накрываешь на стол, с пустующими
стульями и их
блеском шаббата с –

с уважением.

Малларме

A la nue accablante tu
Basse de basalte et de laves
A même les échos esclaves
Par une trompe sans vertu

Quel sépulcral naufrage (tu
Le sais, écume, mais y baves)
Suprême une entre les épaves
Abolit le mât dévêtu

Ou cela que furibond faute
De quelque perdition haute
Tout l'abîme vain éployé

Dans le si blanc cheveu qui traîne
Avarement aura noyé
Le flanc enfant d'une sirène.

Перевод Ариадны Эфрон

Подавленное тучей, ты
Гром в вулканической низине,
Что вторит с тупостью рабыни
Бесстыдным трубам высоты.

Смерть, кораблекрушение (ты
Ночь, пенный вал, борьба в стремнине) –
Одно среди обломков, ныне
Свергаешь мачту, рвешь холсты.

Иль ярость оправдаешь рвением
К иным, возвышенным, крушениям?
О, бездн тщета! и в волоске

Она любом; в том, как от взгляду,
В ревнивой, алчущей тоске,
Скрывает девочку – наяду.

Перевод Марка Талова

Умолкнув с тучей высоты
Риф из базальта вместе с лавой
Рождает отзвук рабский славой
Рожка без свойств и моготы

Крушение вдрызг (все знала ты,
Пена, но берег слюнишь оравой)
Одна меж выкидок ты плавай
Мачт обнаженных сняв кресты

Иль то что в разъяренной из-за
Смертельной гибели средь бриза
Бездне что вдруг отверзлась вся

В столь белом волосе из пены
Скупое топило б унося
Ребро дитя одной сирены

Аполлинер

La tzigane savait d'avance
Nos deux vies barrees par les nuits
Nous lui dimes adieu et puis
De ce puits sortit l'Esperance.

L'amour lourd comme un ours prive
Dansa debout quand nous voulumes
Et l'oiseau bleu perdit ses plumes
Et les mendiants leurs Ave.

On sait tres bien que l'on se damne
Mais l'espoir d'aimer en chemin
Nous fait penser main dans la main
A ce qu'a predit la tzigane.

Перевод А. Гелескула

Был наперед цыганке вedom
Двух наших жизней темный бор
Мы с ней простились и с тех пор
Надежда шла за нами следом

В медвежий пляс пускали мы
Свою любовь ручного зверя
У синей птицы крали перья
И нищим путали псалмы

И час расплаты неминуем
Но мы в надежде на любовь
Вполуобнимку вновь и вновь
Слова гадания толкуем